

Глава 1

Надев рабочий фартук, тетя Софи принялась снимать белье с высоко натянутых веревок. Сердце ее радовалось: скатерти, полотняные простыни и наволочки были белее свежесвыпавшего снега. Надо сказать, что погода с незапамятных времен благоприятствовала отбеливанию полотняных сокровищ почтенного дома «Лампрехт и сын». В главном здании, фасад которого выходил на самую лучшую часть рынка, было достаточно и комнат, и залов, обитателей же было немного, так что в верхнем этаже восточного флигеля не было никакой нужды.

Но люди говорили другое. Несмотря на то что пристроенная часть, ярко освещенная солнцем, со своими высокими, задернутыми гардинами окнами, казалась такой мирной, она была местом таинственной, постоянной и давней борьбы привидений. Так гласила молва на близлежащих улицах и в переулках, и обитатели дома ее не опровергали. Да и к чему: ведь с 1795 года, когда в боковом флигеле скончалась после родов красавица Доротея, госпожа Лампрехт, не было ни одного из слуг, кто хотя бы раз не видел длинного шлейфа белого пеньюара, волочившегося по полу коридора. Поэтому никто и не жил в этом доме, считали люди. Причиной же всей этой чертовщины было нарушение клятвы.

Юстус Лампрехт, прадедушка нынешнего главы семейства, торжественно поклялся своей умирающей жене, госпоже Юдифи, что не женится вторично. Она потребовала этой клятвы будто бы ради двух своих сыновей, но на самом деле из-за безумной ревности не хотела уступать другой своего места рядом с овдовевшим мужем. Однако у господина Юстуса было горячее, страстное сердце, и такое же сердце билось в груди его воспитанницы, жившей у них в доме. Та не желала отказываться от своего возлюбленного и готова

была идти за ним хоть в ад, тем более выйти за него замуж назло ревнивой покойнице. Они жили как два голубка, пока в один прекрасный день прелестная молодая госпожа Доротея не удалилась в боковой флигель, где в убранной с княжеской роскошью комнате произвела на свет дочку. Господин Юстус Лампрехт чувствовал себя на верху блаженства.

Была суровая зима, и на дворе трещал жестокий мороз, когда в ночь под Рождество, с последним ударом часов, дверь из коридора в комнату роженицы медленно, торжественно отворилась, и влетела покойница, вся точно окутанная паутиной. Облако в сером платье и кружевном чепце проскользнуло под шелковый балдахин и улеглось на роженицу, словно покойница хотела высосать кровь из ее сердца. У сиделки отнялись со страху руки и ноги, и, вся оледенев от смертельного холода, который исходил от привидения, она лишилась чувств и пришла в себя только когда закричала новорожденная.

Нечего сказать, хорош был рождественский подарок! Дверь в холодный коридор стояла широко открытой, госпожи Юдифи и след простыл, а госпожа Доротея сидела, выпрямившись в постели, вся дрожа от ужаса и стуча зубами; лихорадочный взор ее был прикован к ребенку в люльке. Потом она впала в безумие и через пять дней уже лежала в гробу с мертвым младенцем на руках. Доктора говорили, что мать и дочь умерли вследствие сильной простуды: сиделка по небрежности плохо затворила дверь. Сама же она заснула и видела страшный сон...

Предметом торговли предприятия «Лампрехт и сын» вплоть до конца прошлого столетия было полотно. Торговый дом нередко называли «Тюрингский фуляр»¹, что как нельзя лучше этому соответствовало.

¹ Легкая мягкая шелковая или полотняного переплетения ткань. (Здесь и далее примеч. ред.)

Внутри дом на рынке походил в те времена на пчелиный улей: там царило постоянное движение. Тюки полотен громоздились до самой крыши, тяжело нагруженные фуры вывозили их со двора, и они отправлялись во все стороны света.

Как все меняется! Торговля полотном давно была заменена производством фарфора на фабрике, находящейся в близлежащей деревне Дамбах.

Теперь главой дома «Лампрехт и сын» был вдовец с двумя детьми. Тетя Софи, последняя представительница боковой линии Лампрехтов, вела хозяйство, соблюдая строжайший порядок и бережливость и ни в чем не роняя чести фамилии. Госпожа советница и ее супруг, господин советник, — родители покойной жены господина Лампрехта — жили на третьем этаже главного дома. Старик сдал в аренду свое дворянское поместье, уйдя на покой, но не мог подолгу выносить городской жизни, а потому часто покидал жену и единственного сына и больше проживал в Дамбахе, на деревенском воздухе, где к тому же и лес, и охота были под рукой; здесь в его распоряжении был довольно большой, примыкавший к фабрике зятя павильон, в котором он мог жить сколько угодно.

Поблизости, на ратуше, пробило четыре часа: это было время послеобеденного кофе, которым заканчивалось белевание. Огромные корзины мало-помалу наполнились белоснежным бельем, и тетя Софи стала осторожно укладывать в ящики драгоценные старинные полотна. Вдруг ее как ножом полоснуло по сердцу.

— Вот так дела! — вскрикнула она испуганно и смущенно, обращаясь к своей помощнице, старой служанке. — Посмотри-ка, Бэрбэ! Скатерть с «Браком в Кане» порвалась — смотри, какая дыра! Конечно, это же старая вещь. Ее принесла в приданое еще госпожа Юдифь.

Бэрбэ громко кашлянула и украдкой покосилась на окна восточного флигеля.

— Ах, людей, которые не лежат спокойно в могилах, не надо называть вслух по имени, фрейлейн Софи, — упрекнула она ее, понизив голос и неодобрительно покачав головой. — Особенно теперь, когда они опять начали появляться. Кучер видел вчера вечером, как в углу коридора мелькнуло белое платье.

— Белое? Ну так это не было привидением в сером паутинном платье. Толстяк кучер просто дурачит вас там, в людской. Погодите, вот узнает хозяин! Из-за вашей трусости опять начнут болтать бог знает что о его доме. — Она пожала плечами и сложила скатерть. — Мне-то, собственно, все равно. Я даже люблю, когда люди говорят: «Белая женщина в доме Лампрехтов!» Да, Лампрехты настолько древняя и знатная фамилия, что могут позволить себе такую роскошь, как привидение, подобное тем, что живут в замках.

Последние слова, очевидно, были сказаны уже не для служанки. Карие глаза тети Софи весело посмотрели в направлении нескольких лип перед ткацкой — там блестели очки на тонком носу советницы. Старая дама вынесла своего попугая на свежий воздух и охраняла его от кошек; она вышивала, а около нее сидел за выкрашенным белой краской садовым столом ее внук Рейнгольд Лампрехт и писал что-то на грифельной доске.

— Вы, конечно, говорите это несерьезно, милая Софи, — сказала советница, слегка покраснев и строго глядя на нее поверх очков. — Такими священными привилегиями шутить нельзя, это неприлично, более строгие люди сказали бы — демократично.

— Ну да, это похоже на ваших строгих людей, — засмеялась тетя Софи. — Им бы только опять бродить по свету с огнем и мечом. Но почему же, если человек не хочет ползать

по земле, как червяк, то он демократ? Выходцы с того света наводят ужас равно на всех людей, не делая никаких различий, и «белая женщина» в любом замке выходит из тлена, как и красавица Доротея, жена прадеда Юстуса.

Старая дама от возмущения сморщила свой тонкий нос. Она отложила пяльцы с вышивкой и подошла к Бэрбэ.

— Как, и кучер тоже видел что-то вчера в коридоре? — спросила она с любопытством.

— Видел, госпожа советница, и даже сегодня не может опомниться от испуга. Он до сумерек натирал полы в парадных комнатах, а когда стал уходить, ему показалось, что позади него тихонько отворилась дверь в коридор, где, госпожа советница, никогда не бывает живой души! Ноги у него как свинцом налились, и он весь похолодел, но все-таки еще нашел силы отойти немного в сторону и оглядеться, когда мимо него по длинному коридору пронеслась тонкая-тонкая фигура, вся в белом с головы до ног.

— Не забудь о черных лайковых перчатках, Бэрбэ, — вставила тетя Софи.

— Что вы, фрейлейн Софи, на привидении не было ни одной черной нитки! Долетев до конца коридора, оно превратилось в туман и исчезло, кучер говорит, «как дым, развеянный ветром». Его теперь не затащить туда в сумерки и десяти лошадям.

— Никому и не нужно испытывать его мужество: это настоящая баба со своими рассказами! — сказала тетя Софи, не то смеясь, не то сердясь, и взялась за салфетку, чтобы снять ее с веревки, но бросила и повернулась, пораженная. — Тьфу, пропасть, что это мчится там? Ты вечно шалишь, Гретель!

Под высокий свод ворот въезжала хорошенькая детская коляска, запряженная парой козлов, ими управляла, туго натянув вожжи, девочка лет девяти. Круглая соломенная

шляпка с широкими полями слетела у нее на затылок и держалась на лентах, подвязанных под подбородком, образуя венец, какой рисуют на образах, вокруг ее темных локонов, разметавшихся во все стороны от ветра.

Экипаж докатился до лип, под которыми сидел маленький Рейнгольд, и остановился, напугав громко закричавшего попугая; мальчик соскользнул со скамейки.

— Грета, ты не умеешь ездить на моих козлах. Я этого не хочу! — проворчал он слезливо, и его худенькое личико покраснело от гнева. — Это мои козлы, мне их подарил папа!

— Не буду больше, никогда не буду, Гольдхен, — стала уверять его сестра, выходя из «экипажа». — Не сердись! Ведь ты меня любишь? — Мальчик опять влез на скамейку и неохотно позволил ей обнять себя с бурной нежностью. — Ведь Гансу и Вениамину тоже хочется погулять! Бедняжки так долго были заперты в конюшне в Дамбахе.

— И ты в самом деле приехала одна из Дамбаха? — спросила госпожа советница, и в ее голосе послышались страх и негодование.

— Конечно, бабушка! Не может же толстый кучер сесть со мной в детскую коляску! Папа поехал домой верхом, а я должна была ехать в большой повозке с факторшей¹, но я не могла дожждаться, пока она кончит торговать.

— Какое безумие! А дедушка?

— Он стоял у ворот и держался за бока от смеха, когда я промчалась мимо него.

— Да, ты и дедушка... Вы оба... — Старая дама вовремя спохватилась, не докончив своего резкого замечания, и указала на платье внучки. — И на что ты похожа? Ты же по городу ехала в таком виде!

¹ Фактор — комиссионер, исполнитель частных поручений; посредник.

Маленькая Маргарита теребила ленты своей шляпки, пытаясь их развязать, и совершенно равнодушно взглянула на вышитый подол своего белого платья.

— Пятна от черники! — сказала она хладнокровно. — И поделом вам: зачем всегда надеваете на меня белые платья? Бэрбэ говорит, что лучше всего носить дерюгу.

Тетя Софи смеялась, ей вторил мужской голос. Почти одновременно с маленьким экипажем во дворе появился красивый девятнадцатилетний юноша, сын советницы, ее единственный ребенок (она была второй женой своего мужа и мачехой покойной госпожи Лампрехт). Молодой человек нес под мышкой связку книг — он возвращался из гимназии.

Девочка бросила на него мрачный взгляд.

— Нет ничего смешного, Герберт, — проворчала она сердито, берясь за вожжи, чтобы ехать к конюшне.

— Хорошо! Слушаю, барышня! Не смею спросить, готовы ли ваши уроки. Кушая чернику, вы вряд ли изволили повторить французский, и могу себе представить, сколько клякс будет в тетради, когда придется второпях писать вечером.

— Ни одной! Я буду внимательна и постараюсь писать хорошо назло тебе, Герберт.

— Сколько раз нужно тебе повторять, непослушное дитя, чтобы ты называла его не «Герберт», а «дядя», — сердито заметила госпожа советница.

— Ах, бабушка, какой он дядя, хотя бы был десять раз папин шурин! — возразила упрямо малютка, нетерпеливо встряхивая густыми темными кудрями, которые падали ей на лоб. — Настоящие дяди должны быть старыми! Я же хорошо помню, как Герберт ездил на козле и бросал мячиком и камнями в окна.

При этой бесцеремонно высказанной детской критике молодой человек покраснел и принужденно засмеялся.

— По тебе плачет розга, дерзкая девчонка, — проговорил он сквозь зубы, смущенно взглядывая на находившийся как раз напротив пакгауз. Несколько покосившаяся внешняя деревянная галерея, которая шла вокруг старого дома перед окнами верхнего этажа, вся заросла густо сплетенными ветвями жасмина, местами образовавшими круглые своды, через которые в комнаты проникали свет и воздух. В одной из таких зеленых ниш мелькало иногда что-то золотым матовым блеском, над балюстрадой поднималась нежная белая рука и задумчиво проводила по золотистым волосам. Но в данную минуту там все было тихо и неподвижно.

Госпожа советница одна заметила взгляд, украдкой брошенный ее сыном. Она не сказала ни слова, но насупилась и демонстративно повернулась спиной к пакгаузу и въезжавшему во двор всаднику. Фигура на коне была весьма величественной. Господин Лампрехт был очень красив: стройный, с густыми черными бровями и небольшой черной бородкой, он был полон достоинства, несмотря на то что каждое его движение выдавало пылкость характера.

— Папа, вот и я! Я приехала на целых десять минут раньше тебя. Мои козлы бежали намного быстрее твоего Люцифера! — торжествовала Маргарита, которая выскочила из конюшни, слышав цокот копыт по мостовой.

Стук открываемых ворот вызвал движение и за зеленым трельяжем деревянной галереи над проездом: из-за жасмина выглянула белокурая головка; молодое лицо, сияющее весенней свежестью, и светлое платье девушки так ярко выступали на зеленом фоне листьев, что невольно должны были привлечь к себе все взоры.

Она выглянула из зеленой ниши, будто хотела посмотреть, кто едет; две толстые косы упали на балюстраду, ветер развеивал вплетенные в них голубые ленты. На балюстраде, вероятно, лежали цветы, так как при ее быстром движении

несколько чудесных роз упали на мостовую к ногам лошади. Та отпрянула назад, но всадник успокоил ее, погладив по шее, и въехал во двор. Он снял шляпу и, глядя прямо перед собой, проехал по цветам, не обратив на них внимания и даже не подняв головы к галерее, чтобы посмотреть, откуда они упали, — господин Лампрехт был гордый человек, и советница сочувствовала жильцам заднего дома, что он мало обращал на них внимания.

Но его маленькая дочь думала иначе. Она подбежала к пакгаузу и подняла цветы.

— Вы, наверное, плетете венок, фрейлейн Ленц, — крикнула она на галерею. — Две розы упали. Бросить их вам или принести наверх?

Ответа не последовало — молодая девушка ушла внутрь дома, видимо, испугавшись отпрянувшей лошади.

Лампрехт тем временем спешил и был достаточно близко, чтобы слышать, как советница с неприятным удивлением сказала тете Софи:

— Как могло случиться, что Гретхен познакомилась с этими людьми?

— Я ничего об этом не знаю, но думаю, что она ни разу не была в пакгаузе. У девочки доброе сердце и ничего больше, госпожа советница. Гретель готова услужить всякому — вот настоящая вежливость, не то что у тех, кто наговорит тысячу комплиментов, а в душе дурно думает о других людях. Но, может быть, ребенок просто любит все прекрасное, я сама в этом грешна: как увижу прелестную девушку на галерее, у меня просто душа радуется.

— Ну, это дело вкуса! — заметила небрежно советница. — Я никогда не любила блондинок, — прибавила она тихо. — Впрочем, я ничего не имею против любезности Гретхен, меня даже радует, что и она может быть вежливой. Я, конечно, не принадлежу к тем, кто плохо думает о других, мне этого

не позволяет христианская кротость, но я придерживаюсь консервативных взглядов и считаю, что известные границы между людьми должны существовать. Хотя эта девушка и была воспитательницей в Англии, но здесь она только дочь человека, служащего на фабрике, и это должно определять наши отношения с ней, не правда ли, Болдуин? — обратилась она к своему зятю, который поправлял седло на лошади.

Тот поднял голову, и его темные глаза украдкой бросили на кроткую женщину взгляд, полный такой злости, как будто он хотел ее уничтожить.

Ей пришлось подождать, пока он наконец равнодушно ответил, точно думая о другом:

— Вы всегда правы, матушка. Кто бы посмел не согласиться с вами!

Господин Лампрехт надвинул шляпу на лоб и повел лошадь к конюшне, устроенной в бывшей ткацкой.

Глава 2

Под липами между тем происходил довольно громкий разговор. Маргарита положила подобранные ею розы на садовый стол. «Пока фрейлейн Ленц не придет на галерею», — заметила она, становясь коленями на скамейку около маленького брата.

— Посмотри, Грета, — сказал Герберт, показывая на грифельную доску. Лицо его все еще было красным, и говорил он слегка дрожащим, точно не своим голосом. «Вероятно, со зла», — подумала девочка и увидела, как Герберт, очевидно по рассеянности, спрятал одну розу в карман.

Всегда сдержанный молодой человек стал неузнаваем. Бледный, зло сверкая глазами, схватил он маленькую ручку, прежде чем она успела дотянуться до цветка, и отбросил ее, как вредное насекомое.